

“Русской провинции свет” – название книги Натальи Егоровой удивительно соответствует смыслу и содержанию этого прекрасного издания. В нём не только поэзия слова, но поэзия жизни русского народа и русского искусства. Сколько бы перестроек, революций, бедствий ни происходило в истории России, в ней неизбежным остаётся *русской провинции свет*:

*...Свет золотится на лицах,
Сближенных в счастье родства.
Жалует, милует, длится
Праздничный миг торжества.*

*Кто же назвал тебя сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осенённый
Древней лесной тишиной.*

В. И. Вернадский, говоря об истории нашего народа, подчёркивал удивительные, небывалые его черты: в них “открывается великое творчество, как и русская литература, совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся, как в эпоху Возрождения из земли возвращалось в своих остатках античное зодчество и культура”. Творчество Натальи Егоровой и представляется мне вот таким культурным слоем почвы, где лежит её “берестяная грамота”. Писать стихи, как древнюю грамоту, – редкость, открытие: вдруг предстаёт перед глазами изумлённого читателя деревня Волоковая, где “тысячу лет простояла над озером весь”. Русское тысячелетие – сказание о тысячелетней войне. Литовцы, французы, немцы шли через Волоковую. И тысячу лет сидела у вечного огня, горящего в вечной печи, небывалая древняя старуха, Вечная Матерь, вечная и современная русская крестьянка:

*И сколько жила ты — войной поыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты все ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.*

Тысячелетие русской истории встаёт и в стихотворении о современных дорогобужских мещанах, которые торгуют луком на базаре и “гоняют бешеных собак”. Когда-то здесь жил разбойник, который “грабил всех, плывущих в греки, по вольным пастбищам Днепра”, а сейчас в захолустном городке такая тишина, что даже воздух засеян “мятой и укропом”. Но неожиданное воспоминание о прошлом развзвзает трагические глубины бытия, и провинциальный городок с его тихими жителями предстаёт совсем в другом свете: “Он грабил с пользой: вслед хоромы настырный выстроил купчина. // Здесь было сто церквей со звоном! – Да вот нагрязнула война. // И дядя Митя с дядей Пашей дошли до самого Берлина, // И тётя Таня с тётей Машей на хлеб смеяли ордена”... А в, казалось бы, сугубо личном лирическом стихотворении “Пойдёт снегопад. С колокольни зимы позабытой...” вдруг неожиданно и ясно предстаёт русский характер: “Я свечку зажгу и себя позабуду, и стану // В снегу у церквушки молиться за всех и за вся”. Вот именно, русский человек способен себя позабыть за всех и за вся! И это в данном случае не вселенская отзывчивость, это наконец-то осознание своего, русского мира, за который пришла пора постоять. Такое небывалое состояние русского духа в наше постсоветское время родилось не вдруг, оно долго копилось, отстоялось и вот – проявилось. В стихотворении “Девяносто третий” небывалость эта в сравнении: “Тихо спит Москва убитая, // Обмотав бинтами ширь, // Как во поле после битвы // Васнецовский богатырь”. Недолго будет спать богатырская сила народа, алый крест уже горит в небе, напоминая о смерти и воскрешении. Небывалая же нищая и голодная старуха – ну, кто их не видел в наше время! Научились уже и не замечать их, и отбирать последнее, и натравливать полицию на их незащищённую и забывчивую старость. В стихотворении глаз старухи “смотрит косо // Не в мир, не в ночь, а в глубь себя самой...” Но “цветут под мокрым снегом розы // На вдовьем поле чёрного платка”, и случайный прохожий шепчет:

— *Слезами вдов дорог скрепляя глину,
Под шелест вьюг, под грохот батарей
Она дошла до самого Берлина.
...Подайте ж милостыню ей!*

Это творение останется в русской поэзии навсегда, оно существует как живой свидетель времени и нравов. Оно должно быть в школьной программе. Тесная связь исторического и религиозного звучит эпически значимо и ясно в стихотворениях “Всенощная”, “Одигитрия Смоленская”, “Нищенка с голубями”. Вместе с преданьями древних времён весомо и зримо утверждается русское самосознание в стихах “Сини очи бабушки моей”, “Русская тройка с разбегом”.

Наталья Егорова знает в поэзии толк, она умеет соединить прошлое и настоящее и каким-то неведомым чутьём предугадать будущее “с любовью к истокам”. Пушкин в работе “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году” заметил: “Добрый наш народ – бояре, казаки, монахи, буйные шиши – всё это угадано, всё это действует, как должно было действовать в смутные времена”. У Егоровой действующими лицами нашего времени становятся самые простые люди. Например, школьная уборщица, гоняющая ребятшек, из стихотворения, написанного в 1986 году: “Самовольно добытою призрачной властью // Упивалась всерьёз ты и власть – // Стороной обходило обычное счастье, // Но хоть в этом-то жизнь удалась”. К концу стихотворения самоуправство тётки Фени приобретает вселенские масштабы: “Сотни звёзд слюдяных разбивая в лепешки, // Заметалась по небу метла”. Поистине верно угаданная картинка из наших дней с их бесконечными самоуправством и жадной власти. В стихотворении “Лампа Гагарина” мальчик Юра Гагарин под немецким обстрелом играет в землянке с крестьянской керосиновой лампой. Как напоминает это судьбу детей на юго-востоке современной Украины! Но Гагарин у поэтессы сродни былинным русским героям: он, как Святогор, обладает сверхъестественной силой и даже ребёнком “в мир выводит из творческой тьмы // Звёздный космос, плывущий лавиной // Над фонтаном военной зимы”. Звёздный космос, по желанию крестьянского мальчика с особой силой вспыхнувший над Россией в военное лихолетье, горит над нашими головами и сейчас: “Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов. //

Всё больше над миром горящих огнями миров". Над миром — миры, а не жер- ла грозящих орудий! Героями русской жизни становятся Ефрем и Исаак Си- рины, из вещей сиринов превращающиеся в русских снегирей: "Два снегиря за белую горой // В сирийском сне над Русью вековой". Говоря о древних святых, поэт думает о нашем времени: "И в драме мировой из года в год // Совсем другой сюжет поворот". И хотя о современных событиях в Сирии по- этесса не упоминает, стихотворение о духовных поисках и вере неожиданно оказывается остро злободневным. Вместе с тем становится ясно: в наши смутные времена вместе с весной появляются смелые души, которые хотят воскреснуть и думают о бессмертии. И не только в поэзии, но и в жизни. В этом — тоже предугаданное у Натальи Егоровой.

Но видит поэт и современность. Современный мегаполис властно входит в поэтическую ткань. В чём-то он противостоит свету русской провинции. Это область разрушения традиции, генов, самих основ бытия, область отчужде- ния. В стихах появляются и путана, и алкаш, и бомжи, и гаишники, и ворон, кричащий над городской свалкой, скрывающей убитых неизвестно кем жени- ха и невесту, и русалочка-мутант, живущая в грязных каналах столицы, кото- рой даже матросы бросают крошки с баржи и кричат, боясь задеть её... Но живо и действительно имя Божье и в смуте, и в отчаянье, и в просьбе о люби- ви. Роковое признание поэтессы: "Я пропала с тобой, не кори меня зря. // Я хотела с тобою пропасть", — рвёт струны сердца. И становится жаль, что "мужской покоряющей воле // Неподвластные простые слова". Но человек не знает, что просит у Бога. Потому на просьбу о любви и поэтическом даре сле- дует на первый взгляд неожиданный, в глубине же смысла — единственно воз- можный ответ Неба: "Белый дом запылал посреди тишины. // И узнавши, что люди — не братья, // Я пошла по руинам великой страны, // имя Бога твер- дя, как заклятье". Всё так: дар слова и любви надо заслужить.

Трагедия одиночества человека в современном городе у Егоровой напи- сана запредельно жёстко, и вместе с тем — в стихах правда жизни, они отра- жают реальные судьбы тысяч людей. Но и запредельная жёсткость перерас- тает в такое всепрощение — мощное подкрепление любви и счастья, — что нельзя не привести одно из её стихотворений целиком:

*Никто не позвонит, пока никто не умер.
От старых похорон до новых похорон
Гудит из тьмы времён отбой мой старый зуммер.
Молчит во тьму времён мой старый телефон.*

*Мне не с кем разделить судьбы обман и горе —
О бренном пошутить, о вечном порыдате.
Тревожит только смерть людской надежды море —
А жизнь её давно устала волновать.*

*Я трубку положу. Я не отвечу миру.
Забывший обо мне — зачем мне нужен он?
Я плакать научу свою шальную лиру.
Я помнить научу свой старый телефон.*

*Я попрошу: "Звени отбой сильнее, зуммер!
Будь песней бытия в тоске земных орбит!
Ведь это хорошо, что вновь никто не умер,
И хорошо, что мне никто не позвонит!"*

Такие же запредельные чувства в стихах: "Гулки, гулки улицы пустые... ", "Дай мне руку твою, мне уже не помочь!", "Брошу плащ на диван полусон- ный... ", "Всё меньше их, детей русоволосых... ", "Где твои дети?" Мир со- временного города — предапокалиптический. И современная, увы, мысль о том, что "в новом пространстве свободы // Прежней не будет любви", за- ставляет поэта задать жёсткий вопрос новому поколению: "Сам ты проснёшь- ся ли прежней // Тварью — с единой душой?"

Современна и беспощадна поэтесса в горском сказании "Ночь", напоми- нающем пушкинское романсовое и драматическое стихотворение "Чёрная

шаль". Но у Егоровой красная чеченка “выпьет кубок – под двуликой, // Смерть несущую звездой” не за любовь, не за трагедию ревности, а “за кривду сечи злой”. Героиня этой баллады в чём-то – полная противоположность дошедшей до Берлина старухи, как противоположна священной народной войне жестокая бойня, ведущаяся современными ваххабитами. Красота и сила этого стихотворения-предупреждения делает его классическим. Но опять, задавая справедливые вопросы сегодняшнему времени, поэт с укоризной напоминает будущим поколениям о нашей славной истории: “Будто с первопродцом апостол Андрей // На собачьей упряжке не шёл сквозь тайгу, / Не водили мы в космос своих кораблей, // Не построили царство на вечном снегу”. Здесь и гордость, и горечь, и пророчество в свете освоения Россией Северного полюса в окружении “кривды сечи злой”.

В “Отзывах о поэтах” Александр Блок размышлял: “В стихах каждого поэта девять десятых, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру, но одна десятая – всё-таки от личности”. Читая книгу Егоровой, можно сказать, что народное самосознание плавно перетекает в личное и обратно. В её “Царевне-лягушке” не просто фольклорный образ, а две величины – мужик и царевна, – кажется, несовместимы. Но вот спросит он: “Как звать тебя, царевна?” – и услышит: “Сказочная Русь”. А сказка-быль всё продолжается и длится в стихах “Этим летом я богом была для лягушки, живущей в колодце...”, “Сирень”, “Гжатск”, “Белый бант, коричневое платье...”. Всё общее, всё личное и всё – поэзия! Поистине – Бог дышит, где хочет. О правде жизни в поэзии Натальи Егоровой нельзя сказать сухим и беспощадным словом *реализм*. Её писания, изображения, её зрение, в котором даже звёзды – “древнерусские”, прошли через призму истории. Чутьё поэта преломляется во всём богатстве и силе русской жизни, и я назвала бы это состояние более зримым словом, чем реальность, – это ЯВЬ, где “солнца глаз – горящий мухомор – // Диктует явь разрушенным просторам”, где поэтесса сама задаёт вопросы земле и небесам и сама отвечает: “Встану на тёмном крыльце посредине скорбей...” Это разговор с живым небом, Мировой Душой, в безбрежной огромности повторяющей человеческую душу. Лирический накал строк предельно силён: “Вся я раскрылась и молча стою пред тобой”. Такое одиночество женщины перед космической бездной явлено в русской поэзии, пожалуй, впервые. Это гениальная песнь одиночеству. И всё-таки всё возвращается на круги своя: “Снова ты думаешь, сильное Небо, за нас, // Быть иль не быть нам? – и властно диктуешь своё”. Но и на этот апокалиптический вопрос есть у поэтессы твёрдый и уверенный ответ. Мировоззрение поэта не останавливается на внешнем. Недаром же в мирозданье главное для неё – “космос лиц, очерченных страданьем, // Сожжённых светом, ослеплённых тьмой”.

“Терпеливая Муза” Натальи Егоровой исполнена тайны, она хранит “свой ребячий секрет”, как Божий дар. Поэтесса сама, как в стихотворении, посвящённом Юрию Кузнецову, – пролетающий “над судьбой и сияющим мраком // Мирозданья неузнанный гость”. Когда-то Татьяна Глушкова в критическом zápale предрекала Юрию Кузнецову “разом и неординарность зрения поэта, и неизбежный тупик. Тупик философский, тупик духовный, омертвение души, холостой ход мрачного стиха, повсогощегося, не движущегося в однообразно-безвыходном пространстве”. Но можно ли назвать тупиком осознание одиночества поэта, в таком же zápale сказавшего: “Звать меня Кузнецов. Я – один. // Остальные – обман и подделка”. Поэт, да и не поэт – всегда один в мирозданье, и не одиноким он оказывается, только “согревая просторы Отчизны // Несдающейся песней любви”. Это прекрасно осознают и сама Наталья Егорова, и её поэтические предшественники – герои стихотворений: и Светлана Кузнецова, и “одинокий пророк” Николай Тряпкин пришли в поэзию, “чтоб Песней стать однажды и всерьёз”. Потому-то и очевидно Егоровой, что “сбережённая память откроет” таланты всех помянутых поэтов, и каждый из них “сверкнёт как самородок”. Каждый настоящий Поэт всю свою жизнь, все свои духовные и физические силы отдаёт Поэзии. Не потому ли в одном из стихотворений возникает образ поэта, распятого на лире земных страстей: “Руки прикованы к звёздам, // Ноги прибиты к земле”. Это земное, грешное распятие, но и грешный поэт у Натальи Егоровой обладает поистине космическими силой и мощью.

Наталья Егорова с напряжённым постоянством вслушивается в пространство, время и вечные заветы предков: “Пространство – слушай, времени – внемли, // Лишь кротких ждёт наследие земли”. И в берёзовой роще на холме, мимо которой всё ещё пыхтит старый трактор, вновь за всех поёт душа поэта: “А что до смерти – да кто ж подскажет?// Вишь – Русь стоит на холме пологом...” “Русь – древнее, но всецело живое и сегодня название нашей страны. Его происхождение... до сих пор не разгадано до конца (согласно строке Александра Блока: “И в тайне ты почиешь, Русь”). В течение XVI-XVII веков “Русь” постепенно заменяется названием “Россия”, которое исходит из *византийского* (курсив мой. – Е. К.) варианта произнесения (“рос” вместо “рус”). В этой замене выразилось, по-видимому, стремление утвердить статус страны на *всемирной* сцене. Слово же “Русь”... – поэтическое имя Отчизны” (В. Кожин “История Руси и русского слова”). Поэтесса как бы подтверждает слова мыслителя: “Это – глубже меня, это – дольше земли, // Это знание древнее, чем свет. // Мы пришли из России и канули в Русь, // След оставив и песнь на земле”. Такие стихи хочется расписать на каноны и петь под гусли. Очень скоро стих Натальи Егоровой наполняется силой и мощью Руси уже в *мировом* плане: “Эту нищую землю никто не спасёт...”, “Вселенская церковь”, где над заброшенной, нищей догнивающей деревенской церквушкой “восходят Царства – вечные, святые, // Не знающие тлена перемен. // И сам Христос, продрогший в ветхой раме, // Сквозь дождь и мрак несёт Благую Весть, // Чтоб знали все в забытом этом храме, // Что центр мира – пребывает здесь”. Не оставляет поэта и живое, органическое начало русской природы, отчего “часто-часто бьётся сердце, // Близко-близко дышит Бог”. А ещё есть здесь поэтические народные легенды: “Богородица и листопад”, “Трапеза”, “Угодники”, где образы Богородицы и Христа по-есенински сливаются с природой и дышат истинной народностью: “В рощах вётел и берёз // Весь в цветах и юной зелени – // Мой Возлюбленный Христос”. Природа естественно перетекает в Слово, Мысль, Любовь, Доверие. Сюда же, в природу, врывается древнерусский “Днепр-Словутич” (автор не случайно предлагает древнерусское написание через “о” – ведь так это слово пишется в “Слове о полку Игореве”) – повествование лиро-эпическое, я бы сказала, поэма.

В книге Натальи Егоровой “Русской провинции свет”, совсем недавно удостоенной Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, столько глубинного смысла истории и современности, старины и новизны, что вместе с поэтом любишь и веришь в духовное воскресение и величие Руси-России.